

Т. В. Габай

РАЗВИТИЕ ПРЕДМЕТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ

В статье обсуждаются возможности деятельностного подхода в современной психологии. Говорится о необходимости дальнейшего развития психологической теории деятельности в направлении уточнения ее общей структуры. Особое значение придается детализированному диахроническому анализу деятельности с выявлением системы качественно различных компонентов ее процесса и их взаимосвязей. Акцентируется необходимость исследования завершающего компонента деятельности. Демонстрируются эвристические возможности понятия «фаза осуществления», обогатившего понятие «действие по удовлетворению исходной потребности», для решения проблемы подкрепления. Понятийная диада «ориентировка» и «исполнение» необходима для решения проблемы сознательности установки.

Ключевые слова: деятельностный подход, психологическая теория деятельности, процессуальные компоненты деятельности, фазы деятельности, ориентировка, исполнение.

Possibilities of the human activity approach in psychological research are discussed. The paper states about the necessity of subsequent development of psychological human activity theory: first of all the general structure of human activity is to be specified. Particular importance must be given to diachronic aspect of its structural analysis. The system of essentially different components that constitute its process must be described, and their interdependencies must be revealed. The author emphasizes the significance of the final component of the human activity, i.e. the action of satisfying the initial drive of the subject. Regarding this action as the activity “realization phase” can give the key to the problem of reinforcement. The pair of notions — “orientation” and “execution” — will be of value when solving the problem of set consciousness.

Key words: the human activity approach, the psychological theory of human activity, human activity process components, human activity phase, orientation, execution.

В свое время деятельностный подход способствовал выводу психологии из кризиса. Однако ее последующее развитие и настоящее состояние закономерно приводят к необходимости переосмыслить

Габай Татьяна Васильевна — докт. психол. наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики ф-та психологии МГУ. *E-mail:* gabay@gcnet.ru

сущность внутринаучной психологической методологии и оценить ее возможности в отношении дальнейшего углубления психологического знания.

Мы исходим из понимания деятельностного подхода как некой общей исследовательской программы, или «рамки», в пределах которой совершенствуются и модифицируются теории деятельности — философские, методологические и психологические (Лекторский, 2001, с. 57). Мы будем рассматривать психологическую теорию деятельности, основы которой заложил А.Н. Леонтьев.

Общая мысль данной статьи созвучна тому заключению, которое было сформулировано В.А. Лекторским, выразившим обоснованную уверенность в том, что каковы бы ни были изменения в содержании теорий деятельности в процессе их развития или переинтерпретации, они не означают, что следует отказаться от деятельностного подхода. Более того, можно ожидать возрастания его потенциала в результате определенных изменений деятельностных теорий (там же).

Сам А.Н. Леонтьев не рассматривал созданную им теорию деятельности как завершенную, говорил, что в будущем она изменит свой вид (Зинченко, Моргунов, 1994), и определял дальнейшие направления ее развития: «Конечно, психология не может довольствоваться только глобальными представлениями о деятельности. Ее задача состоит в детальном изучении различных видов, форм и уровней деятельности индивидов, особенностей их структуры и микроструктур...» (Леонтьев, 1983, т. 2, с. 244).

К настоящему времени психологическая теория деятельности продвинулась в своем развитии. Конечно, ей еще предстоит пройти значительный путь, однако уже сейчас мы располагаем существенно уточненными представлениями о человеческой деятельности, в частности имеем детализированную модель ее структуры. Эвристический потенциал структурной модели деятельности до сих пор остается нереализованным, и имеются основания ожидать, что ее корректное использование откроет перед психологическими исследованиями новые возможности, расширяющие круг решаемых в них проблем. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным В.В. Давыдовым в устном выступлении, что структура человеческой деятельности является междисциплинарной областью, но при этом существенно то, что психология имеет в ней собственный ракурс интереса¹.

Структурный анализ деятельности предполагает два плана ее рассмотрения — синхронический и диахронический. Первый свя-

---

¹ См.: Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности: Доклад на методологическом семинаре Московского психологического общества 22 декабря 1997 г. Стенограмма этого доклада доступна в Интернете: http://www.experiment.lv/rus/biblio/davidov_last/noviy_podhod.htm

зан с выявлением «субстанциальных», статических базовых начал, которые своим функционированием образуют сам ее процесс. Это субъект, средства, предмет, превращающийся в желаемый продукт, а также совокупность вещей, которые составляют внешние условия ее протекания. Диахронический же план структурного анализа означает вычленение процессуальных компонентов деятельности, которые являются качественно различными по своему операционному содержанию и реализующими специфические функции. В отличие от технологического анализа психолога интересуют не все компоненты процесса человеческой деятельности, а лишь такие, которые присутствуют во всех ее видах и формах.

Мы хотим проиллюстрировать те возможности, которые открывает в психологии детализированный диахронический анализ деятельности, т.е. исследование нормативного строения самого ее процесса с выявлением в нем наиболее общих его звеньев и связывающих их отношений.

Как известно, в современной психологии используются два варианта рассмотрения деятельности. Выбор того или другого из них определяется теми конкретными проблемами, которые стоят перед исследователем. Один из них предполагает классификацию деятельности на основе использования «смыслового» критерия. Это известная трехчленная схема А.Н. Леонтьева «деятельность—действие—операция».

«Смысловая» система успешно применяется поныне в различных отраслях психологии. Вместе с тем методологи делали по ее поводу критические замечания. Высказывалось мнение, что предложенные А.Н. Леонтьевым понятия не обеспечивают анализа деятельности при психологическом исследовании, а относятся лишь к средствам анализа природы собственно психических явлений (Юдин, 1976). Однако такой упрек снимается, если деятельность с самого начала рассматривается как «одушевленная» (А.Н. Леонтьев), в которой смысл, мотив, цель и другие «собственно психические» реалии являются неотъемлемыми и определяющими ее моментами.

Конечно же «смысловой» анализ должен производиться в единстве с операционно-содержательным анализом деятельности, дополняя и «психологизируя» его. Этот второй тип анализа связан с вычленением иного типа деятельности образований, которые являются заведомо процессуальными компонентами деятельности. В них уже явным образом фигурируют предметы объективного мира — реальные вещи или их психические отражения. Такие акты выделяются по основанию их операционного содержания, которое в своем качественном своеобразии представлено в них в самом общем виде. Данная система используется в разных отраслях психологии, в частности для исследований по психологии труда (например, «микроструктурный анализ»)

и педагогической психологии (выделение «частей действия» — ориентировочной, исполнительской, контрольной и корректировочной)². А.Н. Леонтьев называл такую классификацию «логико-технической» (1983, т. 2, с. 162), он признавал за ней право на применение и сам использовал ее.

Можно полагать, что проблема предметного содержания деятельности в первую очередь связана с процессуальным аспектом ее рассмотрения, хотя, конечно, невозможно отвлечься от предметности ее субстанциальных моментов, поскольку процесс деятельности есть не что иное, как их совместное развертывание во времени. Принцип предметности и содержательности деятельности при деятельностном подходе всегда рассматривался в качестве конституирующей ее характеристики. Однако ведущими психологами, работавшими в рамках этого подхода, высказывалось мнение, что данный принцип слабо проработан и имеет ограниченное применение, и это является причиной того, что предметное содержание деятельности остается плохо осознаваемым (Давыдов, 1979).

Развитие исследований процессуального аспекта деятельности должно исправить такое положение дел. Прежде всего, следует эксплицировать содержание терминов «деятельность», «действие» и «операция», которые также фигурируют в данной системе деятельностных единиц, однако существенным образом отличаются по своему значению от соответствующих терминов в «смысловой» классификации. Помимо этих трех процессуальных реалий должны быть выявлены и поименованы также прочие процессуальные компоненты деятельности; необходимо охарактеризовать отношения между ними.

Специального внимания заслуживает вклад, который внес в развитие операционно-содержательной классификации деятельностных актов А.Н. Леонтьев. Это связано с исследованием так называемой «фазы деятельности»³. Он описал две разновидности фазы — фазу подготовки и фазу осуществления. Ссылаясь на опыты А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьев отмечал особые свойства фазы. Одним из них является то, что вынужденный перерыв деятельности в пределах одной фазы не может быть очень длительным, тогда как перерыв между фазами под-

---

² Вычленение П.Я. Гальпериным указанных компонентов действия, так же как и описание системы его характеристик, следует считать вкладом в психологическую теорию деятельности, поскольку применение всех этих понятий выходит за рамки усвоения социального опыта, в контексте которого эти реальности были рассмотрены. То же самое следовало бы сказать и о введенных им понятиях, отражающих нединамические деятельностные подструктуры, таких, как «ориентировочная основа действия», «схема ориентировочной основы», «система объективных условий действия» и др.

³ Близкие по содержанию понятия использовались и другими исследователями — Ч. Шеррингтоном, Д.Н. Узнадзе, А.В. Запорожцем, М.В. Деминим.

час в десятки и даже сотни раз превышает величину перерыва внутри одной фазы.

Относительно независимый статус «фазы деятельности» подтверждается еще и тем, что подготовка и осуществление часто обособливаются друг от друга (на это указывал К. Маркс в «Капитале» при анализе трудовой деятельности). Они могут выполняться разными людьми, причем не вступающими в живое общение; подобная обособленность не свойственна деятельности в пределах одной фазы, хотя, разумеется, она также может выполняться коллективно.

Понятие фазы деятельности использовалось А.Н. Леонтьевым в контексте выявления содержания понятия «действие» (см. известный пример с «загонщиками дичи»), но, по существу, оно не имеет прямого отношения к первой, «смысловой» классификации. Фаза — как подготовительная, так и основная — «отвечает» цели, но в общем случае она не ограничивается одним-единственным действием, а включает в себя совокупность действий, объединенных определенным операционным содержанием и направленных на генезис того или иного структурного момента целостной деятельности — средства, предмета, субъекта или благоприятных внешних условий реализации фазы осуществления⁴. Специфика последней состоит в том, что она завершается получением желаемого деятелем результата; этот результат и задает конкретное предметное содержание ее процесса, т.е. необходимый состав и последовательность производимых актов.

Понятие деятельности, обогащенное понятием «фаза», становится соотносимым с понятием жизнедеятельности (им оперировал А.Н. Леонтьев). Правда, оно не является столь глобальным, так как не охватывает все деятельностные циклы на протяжении существования животного или человека. Оно отражает структурные связи внутри некоторой группы деятельностных актов, и его введение продиктовано требованием системного подхода: конкретная деятельность рассматривается не только как система, состоящая из ряда подсистем, но и одновременно как подсистема некоторого более крупного деятельностного образования.

Понятие «фаза деятельности» как концептуальный инструмент при анализе деятельностных явлений имеет значительный потенциал. Без него невозможно обойтись, в частности при исследовании структуры деятельности по передаче-усвоению социального опыта, так как эта деятельность в принципе предполагает четкое разделение труда между партнерами. «Осуществление» выполняется самим учащимся, а «подготовка» — обучающим (Габай, 2003).

---

⁴ В приводимых А.Н. Леонтьевым примерах фазы подготовки ее содержание обычно представлено генезисом средства предстоящей фазы осуществления.

Итак, в отличие от трехчленной схемы А.Н. Леонтьева, речь здесь идет именно о компонентах, или частях, физически составляющих рассматриваемую целостность. В схеме же А.Н. Леонтьева, как пишет А.А. Леонтьев, «...действие не компонент и не единица деятельности — это именно ее “образующая”, ее момент» (1978, с. 6).

К сожалению, специфика деятельностных образований, вычленимых в той и другой классификации, не всегда осознается, и в одном исследовательском контексте нередко употребляются одноименные, но разнородные по своей сущности образования. Так, под «операцией»⁵ может пониматься акт, выполняемый деятелем, как правило, в качестве компонента некоего более крупного деятельностного акта либо с участием, либо без участия сознания. В таких случаях имеем одно из деятельностных образований, выделяемых при второй классификации. Однако в других случаях операцией именуется акт, осуществляемый на основе некой парциальной цели и при этом входящий в состав другого акта, также соответствующего цели. Речь идет о так называемых «частичных», или «частных», действиях. Очевидно, что в таких случаях два основания классификации деятельностных актов совмещаются, и это делает ее логически уязвимой. Возможно, в подобных случаях следует рассматривать «более крупное действие» в качестве фазы деятельности и соответственно проводить анализ в терминах предметно-содержательной классификации деятельностных актов. Рефлексия оснований этих двух классификаций деятельностных образований позволяет избежать неадекватностей при описании психологических исследований, связанных с анализом деятельности. В ряде случаев могут быть также сняты неясности и недоразумения, имеющие место в дискуссиях по проблемам «единиц» исследования.

Так или иначе, в психологии применимы оба направления исследования, поскольку рассматривается одна и та же деятельностная реальность: выбор того или другого из них определяется характером или этапом решаемой проблемы. Эти два подхода дополняют друг друга при системном исследовании психологического объекта.

В связи с обсуждаемой в статье проблемой особо отметим, что привлечение классификации деятельностных образований, позволяющее проникнуть в строение процесса деятельности (в частности, использование понятия «фаза деятельности»), не только обеспечивает исследование деятельности самой по себе, но, как и «смысловой» анализ, позволяет производить исследование явлений, которые традиционно рассматриваются как собственно психические.

---

⁵ Слово «операция», согласно данному А.Н. Леонтьевым определению, должно означать способ выполнения деятельности (или действия), т.е. нечто, характеризующее процесс, но не являющееся процессуальным по своей природе.

Так, А.Н. Леонтьев отмечал роль фазы приготовления в развитии интеллектуального поведения животных: «Интеллект возникает впервые там, где возникает процесс приготовления возможности осуществить ту или иную операцию или навык» (1983, т. 1, с. 213). «У человека фаза приготовления, из которой и вырастает его мышление, становится содержанием самостоятельных, целенаправленных действий, а впоследствии может становиться и самостоятельной деятельностью, способной превращаться в деятельность целиком внутреннюю, умственную» (там же, с. 234).

Интересно отметить, что упомянутое выше свойство «фазы деятельности» — допустимость большого перерыва между фазой приготовления и фазой осуществления — согласуется с наблюдениями из реальной жизни, которые свидетельствуют о том, что цель подготовительного компонента имеет мотивирующие, а продукт — подкрепляющие возможности. Это позволяет охарактеризовать «фазу» как деятельностное образование, занимающее промежуточное положение между действием и деятельностью (в значениях этих слов, которые использовались А.Н. Леонтьевым), но тяготеющее к последней и имеющее тенденцию превращаться в нее при достаточно сложном операционном составе. Такая ее особенность, по-видимому, должна быть истолкована как одно из свидетельств того, что обе классификации деятельностных образований составляют методологическую систему, обеспечивающую полноценный психологический анализ деятельностных явлений.

Здесь приходится констатировать, что остается совершенно нераскрытым методологический потенциал понятия «фаза осуществления». А.Н. Леонтьев, связывая с ней возможность удовлетворения исходной потребности деятеля, тем не менее останавливался перед самим этим завершающим актом. Термин «осуществление», если судить по приводимым А.Н. Леонтьевым примерам, фактически обозначает опять-таки приготовление, которое непосредственно обеспечивает возможность удовлетворения потребности, но не является самим ее удовлетворением, например обезьяна овладевает бананом (= фаза «употребления палки») (там же, с. 212). Иными словами, этим реализуется не конечная цель, а предшествующая ей, тоже промежуточная, — получение «предмета потребности». Если использовать слова в их терминологическом значении, то получаемое деятелем следует назвать средством потребления, т.е. ближайшим средством осуществления акта удовлетворения потребности.

Вообще говоря, отечественная психология эпохи тоталитаризма (а он не мог не повлиять на ее методологическую базу) упустила из виду такое важное звено исследуемой реальности, как личное потребление⁶.

---

⁶ Общеизвестно, что в марксистской политэкономии капитализма использовалось понятие потребления — как личного, так и производственного.

Сентенции типа «человек — это звучит гордо» задавали установки на «великие свершения», и бесплотный «коммунистический ангел» не мог нуждаться в еде и питье, он должен был беззаветно трудиться «на благо общества» в целом. Человеческая деятельность оказалась «урезанной», ограниченной предпоследним своим звеном — осуществлением человеком производительной деятельности с акцентом на изменениях во внешнем, объективном мире. Таким образом, потребление в качестве «фазы осуществления» и логического завершения деятельности не рассматривалось: полученный деятелем продукт «повисал в воздухе»⁷.

Вместе с тем в диалектическом материализме зафиксировано данное Ф. Энгельсом в «Диалектике природы» определение жизни как способа существования белковых тел, которое распространяется и на человеческую жизнь. Человеку также необходим постоянный обмен веществ с окружающей внешней природой.

Производство продукта деятельности было бы лишено смысла, если бы он вслед за этим не использовался деятелем для обеспечения гомеостаза своей внутренней среды, что является базовым компонентом его собственного воспроизводства. Сам же А.Н. Леонтьев, исследуя в контексте проблемы возникновения психики простейшие формы жизни (1972, с. 42), говорил о неизбежном «распаде организма» в тех случаях, когда диссимилиация не компенсируется ассимиляцией; разумеется, он не мог при этом делать исключение для человеческой жизни.

Несомненно, идеология тоталитаризма внесла искажения в отечественную психологию. «...В психологии деятельность вытеснила своего субъекта и осуществила сама себя через никому не принадлежащие цель, мотив и результат...» (Абульханова, 1999, с. 199). Однако талант и здравый смысл исследователей обеспечивали существенный противовес этим искажениям⁸. Все-таки деятельность выступала как охватывающая оба полюса — субъект и объект. А.Н. Леонтьев соглашался с К. Марксом: «В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь» (1983, т. 2, с. 141). Деятельность у А.Н. Леонтьева предстает как «...молярная, неаддитивная единица жизни телесного, материального субъекта» (там же), и такое понятие фактически задает исследуемую в психологии реальность в ее живой

---

⁷ По-видимому, не случайно не было создано сколько-нибудь полной типологии самого продукта, хотя именно с характером продукта связано различие «деятельности», «действий» и «операций» (Анцыферова, 1969); причем определенные его типы, например прямой или побочный, используемые для удовлетворения потребности, влияют на мотивацию в последующих циклах деятельности.

⁸ Мы не говорим здесь о разработке в отечественной психологии основ теории личности, хотя это знаменовало новый период ее развития. Сейчас мы рассматриваем лишь то, что прямым образом может быть соотнесено с психологической теорией деятельности.

полноте. В этой связи мы придаем особое значение тому факту, что незадолго до своей кончины А.Н. Леонтьев выразил готовность рассматривать в качестве «единицы» психологического исследования именно и только деятельность (об этом сообщал А.А. Леонтьев (1978)).

Если речь идет о целостной деятельности, то она есть не что иное, как «квант» самой жизни: ее последним, базовым, смыслообразующим звеном является использование полученного продукта для удовлетворения исходной потребности, что в свою очередь необходимо для осуществления следующего жизненного цикла. В современных физиологических исследованиях, базирующихся на системном подходе, находим подобные представления: говорится о расчленении континуума жизнедеятельности на дискретные отрезки — «системокванты», каждый из которых формируется той или иной потребностью организма и завершается ее удовлетворением (Судаков, Урываев, 2004).

Конечно же, человеческая жизнь отнюдь не исчерпывается физиологическими процессами. Но на высших уровнях существования человека обнаруживаются корреляты индивидуального удовлетворения потребности. Так, человек-личность способен испытывать не меньшую, а даже большую радость в том случае, когда созданный им продукт потребляется не им самим, а представителем значимой для него группы. Это означает, что для него в такой ситуации, несомненно, также имеет место «завершающее действие», в котором удовлетворяется его исходная, актуальная потребность — потребность социального характера. Подобные потребности, предполагающие удовлетворение потребностей другого человека, «отвязаны» от биологических потребностей организма самого деятеля.

На уровне человека удовлетворение потребности⁹, даже не нагруженное какими-либо дополнительными мотивами (самоутверждение, общение, экономика и пр.), как правило, является деятельностным актом, а не просто физиологическим отправлением организма. В нем можно выделить все структурные моменты деятельности: цель (представление о желаемом конечном состоянии телесной или личностной сферы индивида), предмет (исходное состояние той или другой сферы), продукт (конечное их состояние), средства, внешние условия, а также определенный способ его осуществления.

Удовлетворение потребности может быть самостоятельной деятельностью, направленной на восстановление собственных жизненных сил. Даже дыхательная функция у человека может реализоваться в качестве деятельностной активности. Во многих ситуациях перед ним возникает

---

⁹ Следует заметить, что удовлетворение потребности — как у человека, так и у животного — отнюдь не всегда может быть названо «потреблением». Часто оно происходит без использования каких-либо материалов или объектов. Примерами служат многие ситуации по устранению опасности, а также игровые действия индивида, способствующие его физическому и психическому развитию.

в качестве особой задачи не только поиск источника чистого воздуха, но и осуществление самого акта дыхания (например, при использовании противогаза, в процессе пения, плавания и пр.). Рациональное дыхание в обычных житейских условиях тоже может составить проблему. Для обучения ему разработаны специальные методики.

Текущее удовлетворение потребности может также рассматриваться человеком в качестве подготовительного компонента (или «фазы приготовления») — генезиса себя как субъекта некоторой новой, скажем трудовой, деятельности. Последняя может диктовать свои определенные требования к моменту инициирования акта удовлетворения потребности, к качеству и количеству потребляемого и др.

Успешное осуществление удовлетворения потребности порой становится непростым делом. Например, акт питания помимо наличия пищи может потребовать соответствующего инструментального обеспечения — столовых приборов, зубных протезов, таблеток, помогающих пищеварению, и пр. Может оказаться необходимым приобретение определенных навыков по их применению (ср. пример с овладением ребенком ложкой, который любил приводить А.Н. Леонтьев). Действия по удовлетворению потребностей в обществе других людей предполагают соблюдение соответствующих правил этикета.

Все это наполняет процессы удовлетворения потребностей определенным операционным содержанием и дает основания включить их рассмотрение в общую схему психологического анализа.

Кстати сказать, интерес психологов к широкомасштабным и детализированным исследованиям interoцепции может быть оправдан лишь в свете необходимости рассмотрения деятельностных процессов, связанных с удовлетворением витальных потребностей. Интероцепторы, сигнализирующие субъекту о состоянии внутренней среды организма, реализуют ориентировочные компоненты соответствующих актов. Они, таким образом, наряду с экстероцепторами участвуют в создании «образа мира», а последний должен рассматриваться в его целостности, т.е. как включающий в себя и самого «телесного, материального субъекта».

Такое представление разделяется многими психологами. Так, П.Я. Гальперин говорил, что в процессе ориентировки не только строится образ внешнего мира, но и происходит отражение человеком состояния своей собственной телесной сферы, а также душевного состояния. Хотя П.Я. Гальперин сосредоточивал свое внимание главным образом на ориентировочной деятельности, направленной на построение субъектом образа внешнего по отношению к нему поля, однако при всем этом он чрезвычайное значение придавал его ориентировке в своем собственном, внутреннем плане. Так, прежде чем начнется деятельность, должно быть выяснено, «чего субъекту недостает и в чем он испытывает потребность. В этом смысле потребности являются ис-

ходным и основным началом ориентировки в ситуациях» (Гальперин, 1976, с. 92).

Для психолога не может не быть интересным актуальный генезис потребности и функциональное состояние человека, которое предшествует акту ее удовлетворения. В обычных случаях, при удовлетворении естественных человеческих надобностей, все это может казаться не заслуживающим внимания. Вместе с тем имеются экстремальные и патологические случаи, например отклонения от нормального пищевого поведения при анорексии и булимии, «ломка», предваряющая потребление наркотиков при токсикоманической зависимости, или абстинентный синдром с обострением психотических явлений перед запоем у алкоголиков. Анализ такого рода симптомов и причин наблюдаемых отклонений важен также и в плане раскрытия закономерностей ситуативного развития потребностей в норме.

Весьма интересными представляются данные о том, что «зазор» между актуализацией потребности и ее удовлетворением — переживание физиологической неудовлетворенности, типичное для повседневной жизни, — является условием устойчивого выделения себя из мира, кристаллизации субъектности, сознания и самосознания. Устранение же такого «зазора» ведет к формированию психотической личности (Тхостов, Сурнов, 2006).

Исследование завершающих актов деятельности предполагает необходимость нисхождения психологического анализа в ту область, где зарождается нужда, с целью проследить само возникновение и ситуативное развитие побудительных сил и операционно-содержательного плана активности деятеля. Понятно, что такого рода исследования должны носить системный характер, опираться на данные психофизиологии и других областей знания. О необходимости исследования нужды как «глубинной основы потребности» (и компонента структуры деятельности) говорил В.В. Давыдов в упомянутом выше устном выступлении. Он полагал, что помимо органических нужд у человека есть также и нужды гуманитарного характера, например нужда в красоте, которая еще не превратилась в ту или иную эстетическую потребность.

Такое понятие деятельности расширяет горизонты психологического исследования. Становится возможной постановка и решение в рамках деятельностного подхода ряда существенно новых проблем. Одной из них является выяснение природы и функций подкрепления в процессе приобретения опыта не только при приобретении индивидуального опыта, но и в процессе учения. До сих пор с деятельностных позиций тема подкрепления практически не разрабатывалась. В учении же его необходимость как бы сама собой снималась при обеспечении учащихся полноценной ориентировкой, поскольку роль подкрепления фактически ограничивалась восполнением *post factum* дефицита ориентиров у деятеля.

Соответствующие феномены, несомненно, имеют место в ситуациях приобретения опыта. Можно надеяться, что понимание деятельности как полного и замкнутого цикла активности позволит адекватно интерпретировать то, что лежит в основе «увеличения частоты реакций», верифицировать и уточнить само это явление, определить его внутренние составляющие и причины, а также механизм влияния на будущие циклы подобной активности.

Мы привели лишь один из примеров, иллюстрирующих расширение возможностей психологического исследования в результате детализированного анализа обобщенного покомпонентного содержания человеческой деятельности с выделением описанных макрокомпонентов — фаз деятельности. При этом было уделено особое внимание фазе осуществления, представленной удовлетворением исходной потребности.

Однако в структурной модели деятельности остаются не вполне осмысленными соотношения фаз деятельности с более элементарными процессуальными деятельностными компонентами, которыми являются «вездесущие» ориентировка¹⁰ и исполнение, а также их связи между собой.

Эти компоненты являются составляющими каждого из деятельностных актов, обнаруживаясь в составе как фазы приготовления, так и фазы осуществления. Однако если исполнительный компонент может быть представлен как некое «локальное» осуществление, то ориентировочный компонент никогда не исчерпывает соответствующего ему локального приготовления. Одному акту исполнения в общем случае предшествуют четыре содержательно разных акта приготовления — приготовление предмета, средства и внешних условий, а также самого субъекта предстоящего исполнения. При этом лишь одна из линий приготовления субъекта может быть названа «ориентировкой». Ее результат — приведение деятеля в состояние актуальной готовности к выполнению действия, т.е. завершающий генезис его в качестве субъекта.

В функциональном плане ориентировка оказывается частным случаем приготовления к исполнению. Само же отношение между приготовлением и осуществлением носит универсальный характер ввиду его применимости при анализе любых деятельностных явлений. Оно пронизывает собой даже фазу осуществления: производство первичного полуфабриката есть приготовление возможности получения более проработанного полуфабриката, а получение последнего — приготовление к получению желаемого конечного продукта.

Индивид — при наличии у него актуальной потребности и «долговременной» готовности к деятельности (= соответствующего умения,

---

¹⁰ Под «актом ориентировки» мы понимаем здесь прежде всего и главным образом акт получения субъектом информации о наличной ситуации действия, которая включает специфику и состояние самого деятеля.

мотивации, необходимых органов чувств и движения), а также благоприятной ситуации — в результате ориентировки приходит в состояние ситуативной готовности к этой деятельности. Сам процесс ориентировки, таким образом, должен быть квалифицирован как ситуативное развертывание соответствующей системы установок к деятельности, а точнее, к ее исполнительской части. Разумеется, должны быть приняты во внимание также поддерживающие этот процесс и результирующие психофизиологические и соматические процессы.

Такое представление дает ключ к решению вопроса об осознанности ситуативной установки. Специфика человеческой деятельности в ее развитом виде предполагает не только рефлекссию желаемого конечного и промежуточных продуктов деятельности. Осознанию подлежат также и условия их получения — как внешние (собственно ситуация деятельности), так и относящиеся к самому деятелю (доминирующая и конкурирующие потребности, наличие умения выполнять данную деятельность, функциональное состояние и пр.). Процесс развития ситуативной установки к деятельности в данном случае является актом самой этой деятельности, определяющим ее успешность, результат же этого акта — весьма важным парциальным продуктом деятельности, а потому они в принципе не могут не быть осознанными. Понятно, что ввиду многоуровневости и чрезвычайной сложности таких процессов их осознание деятелем не может быть глобальным, оно ограничивается процессами и их результатами, представленными лишь на собственно деятельностном уровне.

Итак, последовательное рассмотрение процессуальных структурных образований человеческой деятельности позволяет не выпустить из поля зрения как начальный, так и конечный ее компоненты, которые при психологическом анализе порой оказываются «невидимыми». Можно ожидать, что должное внимание к каждому из этих процессуальных компонентов деятельности, учет их специфических особенностей и характера их взаимовлияния будут иметь методологическое значение и выступят условием продуктивности психологических исследований.

Несомненно, дальнейшее развитие психологической теории деятельности, и прежде всего проработка представлений о структуре человеческой деятельности, будет весьма значимо для всех без исключения областей психологического знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абульханова К.А. Психология и сознание личности: Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности. М.; Воронеж, 1999. (Серия «Психологи отечества»).

Анцыферова Л.И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1969. С. 57—117.

- Габай Т.В.* Педагогическая психология. М., 2003.
- Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1976.
- Давыдов В.В.* Категория деятельности и психического отражения в теории А.Н. Леонтьева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 4. С. 25—41.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М., 1994.
- Лекторский В.А.* Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопр. филос. 2001. № 2. С. 56—65.
- Леонтьев А.А.* «Единицы» и уровни деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1978. № 2. С. 3—13.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М., 1972.
- Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983.
- Судаков К.В., Урываев Ю.В.* Субъективная сторона психической деятельности как объект системного анализа // Журн. ВнД. 2004. Т. 54. № 3. С. 293—303.
- Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Культура и патология: побочные эффекты социализации // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006. С. 187—204.
- Юдин Э.Г.* Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // Вопр. филос. 1976. № 5. С. 65—78.